

ОСМЫСЛЕНИЕ СУЩНОСТИ КАК МАНИФЕСТАЦИИ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ИЗМЕРЕНИЯ БЫТИЯ

UNDERSTANDING THE ESSENCE AS A MANIFESTATION OF THE HUMAN DIMENSION OF BEING

*T. Torubarova
V. Osipova*

Summary: The article analyzes the problem of essence in the context of understanding the human dimension of being. It is proved that it is the essence that is the evidence of the being principle in man. The process of transformation of the essence of man in the modern world is explicated. The conclusion is made that the question of essence is a question of identity, self-existence of a person. In terms of clarifying the specifics of the essential certainty of a person (in the disposition of the general and the individual), the process of human individuation in a social context is considered. It is noted that modern reality is based on an anthropocentric paradigm. In this regard, the authors appeal to the origins of its formation in the Western European thought tradition, which opens the way to understanding the specifics of the essential nature of man, awareness of key trends that largely determine the modern world order. It is argued that the understanding of human existence in the context of its leading determinants determines the vector of semantic interpretation of the essence, reveals the process of its transformation.

Keywords: essence, existence, man, being, world, substantial subject, identity, identity, society, individuation, anthropocentric paradigm, power, technology, history.

Торубарова Татьяна Викторовна

*доктор философских наук, профессор, Курский
государственный университет
ttorubarova@rambler.ru*

Осипова Варвара Александровна

*Московский государственный университет
им. М.В. Ломоносова
varvara_osipova02@mail.ru*

Аннотация: В статье анализируется проблема сущности в контексте осмысления человеческого измерения бытия. Обосновывается, что именно сущность есть свидетельство бытийного начала в человеке. Эксплицируется процесс трансформации сущности человека в современном мире. Делается вывод, что вопрос о сущности есть вопрос об идентичности, самобытности человека. В плане прояснения специфики сущностной определенности человека (в диспозиции общего и индивидуального) рассматривается процесс индивидуации человека в социальном контексте. Отмечается, что современная реальность в ее основе возвращена антропоцентрической парадигмой. В этой связи, авторами, осуществляется апелляция к истокам её формирования в западноевропейском мыслительной традиции, открывающей путь к пониманию специфики эссенциальной природы человека, осознанию ключевых тенденций, во многом определяющих современный мировой порядок. Утверждается, что осмысление человеческого существования в контексте его ведущих детерминант, определяет вектор смыслового истолкования сущности, выявляет процесс ее трансформации.

Ключевые слова: сущность, существование, человек, бытие, мир, субстанциональный субъект, самобытность, идентичность, общество, индивидуация, антропоцентрическая парадигма, власть, техника, история.

Современная научно-техническая цивилизация, ознаменовавшаяся утверждением нового цифрового порядка, кардинально меняет наши представления о человеке. На смену человеку как биопсихосоциодуховному существу приходит, так называемый, постчеловек, мыслимый субъектом новой реальности, адаптивной формой которой становится квазиреальность, виртуальный мир. Границы человеческого, вмняемой ответственной личности, размываются до гибридного Я с набором операциональных способностей и чутьем, выполняющего функцию замещения и приспособления к миру. Такой конструкт рациональных схематизаций превращает человека в киборга, элиминируя фундаментальные основы человеческого бытия, его так называемые жизне-устои. Жизнь порождается усилием человека быть таковым [5, с. 15], усилием его сущностного воспроизведения. Ибо человек в своей сущности есть существо метафизическое. Жизнь в современном мире уже не является живой жизнью [2, с. 6]. Пропитанная цифровым контролем и управляемая симуляцион-

ными моделями она элиминирует человеческую самобытность. Самобытность человека заключается прежде всего в его отношении к бытию. Понимание своей укоренности в бытии является источником развертывания мышления как блага и дара человека. Лишившись своего собственного элемента, мышление приобретает технический характер. Язык становится средством хранения и передачи информации, погружаясь в публичную сферу, где господствует субъективность. Субъективность реализуется в конституировании человеком собственного миро-порядка на правах распорядителя и конкистадора всего сущего. Такого рода субъективность является объектной, но отнюдь не онтологической. Опустошение языка подрывает нравственную ответственность, что угрожает самому бытию человека. Язык выпадает из собственного элемента (элемент как начало природных вещей в античной философии). Язык, утративший онтологическое измерение, превращается в средство господства и подчинения мира всего сущего. И это тенденция лежала в основе рационализма Нового времени,

да и по сей день не утратила свою актуальность.

Человек должен иметь онтологическое измерение, так называемую отмеченность Бытием. Только тогда может идти речь о реализации человеческой сущности, то есть гуманизме в собственном смысле этого слова. Гуманизм апеллирует к сущности человеческого бытия. Об этом забывается ныне, когда размывается грань между человеческим и нечеловеческим. Нечеловеческое как раз и означает лишенность человеком его собственной сущности. Вспомним К. Маркса, который усматривал истину сущности человека в социальности, только в обществе гарантируется осуществление человеческой сущности. В христианстве homo humanitas противопоставляется Deitas, в Ренессансе humanitas противопоставляется варварство средневекового человека, готической схоластики – ренессансная ученость. Именно в открытости человека, согласно гуманизму, осуществляется сущность человека. На первый план выходят вопросы о свободе и природе человека. В эпоху Возрождения появляются различные проекты освобождения природы человека, реализуемые в утопиях. В работе Н. Макиавелли «Государь» определена последующая структура мышления Нового времени, где политико-экономическая реальность получает своё метафизическое обоснование. Человечность определяется при условии понимания истории, природы, концепции мира и основания мира, то есть сущего в его тотальности. Однако в определении того, что называется «человечностью», не ставится вопрос о бытии всего сущего. Гуманизм первоначально определяли через римское понимание гуманизма (римская virtus и т.д., противопоставлялась средневековому варварству). Человек есть animale rationale. В философии Аристотеля человек определяется как «зоон политикон». У Платона - человек есть сущее, обладающее словом, речью. Определение сущности человека через «Философию жизни» выражается в задаче лучшей организации человеческой жизни, его анимальности. А коль скоро метафизическое определение человека заключается в анимальности, тогда жизнь человека превращается в поиск средств установления счастливого образа жизни человека. Однако, еще И. Кант подчеркивал, что стремление к счастью, характеризует человека как природного существа. В «Критике практического разума» он пишет: «Быть счастливым — это необходимое желание каждого разумного, но конечного существа и, следовательно, неизбежное определяющее основание его способности и желания» [4, с. 401]. Сама история становится реализацией человеческой сущности, свидетельством осуществления его бытия в мире. «Мы изначально принадлежим истории, пребываем и действуем в ней, она захватывает нас, одновременно существую также и внутри нас самих. Как замечал Хайдеггер, «мы сами, исторически существуя, тоже оказываемся ею самой» [6, с. 30].

Когда человек становится самодостаточным в своем

существовании, то есть субъектом всего сущего, тогда определение объективности того или иного сущего зависит от наших собственных замыслов, идей и целей. Мир как наш собственный мир должен изменяться в «нашу пользу». Поскольку человек оказывается вне наличных пространственно-временных границ, постольку он всюду встречает только самого себя в многообразии социальных ролей и масок, и, как следствие, мир превращается в его мир. Сущность самого человека утверждается как субстанциальный субъект всего сущего. В проекции такого рода перспективы все сущее рассматривается как лишенное внутренней природы и собственного значения. Бытие всего сущего понимается у Гегеля как «ничто», у Р. Декарта как «пространственно-временное протяжение». Не является ли такое положение проявлением сущности человека? Какова эта сущность? История развития философской мысли по сути дела и является своего рода манифестацией человеческой сущности, делающей зримым многообразие ее проявлений.

В ренессансной идее humanitas утверждается стремление человека реализовать самого себя, свою сущность. В современном мире стремление человека преобразовать мир, (ни созерцать, ни осмысливать), соответствует экзистенциальной сущности человека, что в средневековой теологии определялось термином «трансценденция». Эти термины вошли в западноевропейскую метафизику из средневековой философии, где они получали совершенно иное звучание (в философии жизни, в экзистенциализме - эстазис - экзистенциальная сущность человека у Ф. Ницше). В Ренессансной идее «гуманитас» происходит секуляризация в понимании категорий «сущности» и «существования». Если в Средние века существование в абсолютном смысле относилось только к сфере божественного (Бог: сущность = существование; Бог есть свое собственное существование), то в Ренессансе такое понимание относится к человеку (человек есть свое собственное существование). Осуществляется секуляризация теологического понимания бытия. Само по себе существование не предполагает, что сущность существования реализована (Гегель: бытие - ничто; опр. бытие - количество - качество - мера - явление - действительность и т.д. вплоть до Абсолютной Идеи). В западноевропейской метафизике, например, в философии Ж.-П. Сартра, сущность не совпадает с существованием; существование предшествует сущности. У Шеллинга сущность - «высокий гербарий существования».

Противоположение сущности и существования в понимании бытия впервые выступает в философии Платона. Идеи как идеальные образы вещей предшествуют их чувственно-воспринимаемому существованию и вещи существуют лишь в той мере, в какой они причастны идеальному плану бытия. Но важно не обратное противоположение этих терминов, а выяснение их смысла. Важно выяснить: как бытие самого человека оказывается сущ-

ностно востребованным? Говоря о сущности и существовании в контексте традиционной метафизики, человек выступает как субстанциальный субъект по отношению к остальным вещам. А если сущность человека определяется в его статусе субстанциального субъекта, то тогда от человека зависит востребованность им существования чего-либо в своих собственных мыслях, действиях, отношении к себе, и другим. Определение человека как субстанциального субъекта в традиционной метафизике означает, что властно - распределительное отношение к миру является решающим, что характеризует и современную форму знания - науку; это отношение определяет все формы сознания, то есть человек оказывается носителем и распределением бытия всего сущего. Если человек понимается как субстанциальный субъект, то есть утверждается властно-господствующее отношение к миру (Гегель «Феноменология духа»: Раб и Господин), то тем самым объективное понимается с точки зрения субъекта, то есть субъективно. В перспективе такого рода отношения человек лишается всякой сущности, оказывается вне своего места, вне Неба и Земли, где существует лишь вселенский вакуум, происходят рождения Галактик, звезд и т.д. Уже нет целостного понимания космоса, которое было у греков и в средние века. Человек оказывается во вселенском вакууме. Он над всем стоит, занимает место Бога. Секуляризация теологических построений в Ренессансе означала обожествление мира и обожествление человека. Онтология современной науки - астрономии, астрофизики и т.д. все более удаляет человека от Земли, от родного места бытия. Истоки всех миров отыскиваются в телескопических данных или субатомных частицах. То, что для верующего сознания было священным, теряет свой ранг, так как священным является то, что позволяет облачать политически человеческое тело (М. Фуко). Сама сущность человека раскрывается в социально-политической анатомии. Политическое облачение человеческого тела означает то, что он получает какие-нибудь регалии, то есть тело имеет смысл через награды, премии и т.д. Тело получает, таким образом, социально-значимый статус. Если сущность социальных отношений определяется только политически, то только в рамках политической анатомии человек обретает свою сущность. Если К. Маркс говорит о экономической анатомии, то с XX в. ключевые позиции перепоручаются уже политической анатомии. Рассмотрение культуры как системы духовных и материальных ценностей выдвигает на первый план оценочное мышление.

Искусство, этика оказываются зависимыми от оценок субъективности. Поскольку человек в своей экзистенциальной сути оказывается постоянно вне наличия пространственного окружения, постольку всюду сталкивается по сути дела с самим собой, со своими собственными изделиями. Даже свою телесность он идентифицирует с различными аппаратами, механизмами и т.д. В этом смысле речь идет о техноморфном хапосе, который характерен

для жизни многих современных людей «...для которых техническая среда обитания более «естественна», чем природная, которые о животных и даже растениях первоначально узнают по картинкам и телевизору» [7, с. 390].

Таким образом, осуществляется процесс трансформации сущности человека в реалиях современного техномира. «Ученые производят власть, над которой они сами не властны; «нашим жизням сегодня угрожает не только то, что их губит, но то, что призвано их охранять: наука и медицина». На путях естественного разрастания и самоупрочения обезличивающая технизация ведёт к «новому варварству»» [1, с. 181]. Техника уже не может быть нейтральным инструментом преобразования мира, ибо артефакты, как результат человеческого труда, являются выражением сущностных сил человека, с одной стороны, а с другой, они кардинально изменяют саму человеческую сущность, вплоть до ее замены более совершенными механизмами. Вот почему ныне, как никогда остро, актуализируется проблема идентичности человека. Человек оказывается отчужденным от своей собственной сущности, бездомным существом, блуждающим в поисках бытия, а, значит, своего дома, собственно человеческого существа и существования. Ибо тайна его существования, придающая смысл поступкам, да и всей жизни современного человека, кроется вовсе не в результатах научно-технического прогресса и не в достижениях, связанных с реализации той или иной познавательной парадигмы, но создается его обращением к бытию. Обращение затрагивает основы жизни человека, свидетельствует о его сущностной укорененности, способной преобразить человека, преодолеть бессмысленность его существования, наконец, обрести самобытность. Отмеченность бытием делает живым человеческое существование, исполненным смыслом и высшим предназначением; а значит бытийственным и сущностно реализованным. «Быть самим собой – значит быть настроенным на бытие» [3, с. 149]. Как бы метафорично это ни звучало в нашем прагматичном мире, если мы хотим воспринимать напряжение, интенсивность подлинной жизни, а не оттенки симулятивной реальности, ставившей человека на грань выживания, то важно восстановить зачастую стертые в языке и почти утраченные понятия, отражающие бытие. Сущность и является такого рода понятием, позволяющим понять человеку смысл и тайну своего существа, распознать и увидеть самого себя. Распыляющееся человеческое Я в многообразии социальных ролей и идентификаций техноморфного хапоса задает весьма трагичный сюжет развитию мира как антропоцентрического порядка.

Вопрос о сущности в контексте заявленного осмысления, является по сути дела вопросом о идентичности человека, о родовой принадлежности его собственно человеческой природе. Ключевые тенденции реалий современного мира ведут к изменению сущ-

ности человека, так называемому расчеловечиванию. Это перерождение свидетельствует о том, что, как пишет М. Хайдеггер: «...на самом деле с самим собой, т. е. со своим существом, человек сегодня как раз нигде уже не встречается» [12, с. 233]. В своей современной сущности человек весь мир рассматривает как свою собственность, которой он может распоряжаться, как угодно, тем самым лишаясь своего собственного мира. Человек оказывается в состоянии «тревоги» [13, с. 252], что заставляет его задуматься о своей собственной сущности. Речь идет о положении человека в бытии, которое оказывается сущностно уязвимым, тревожным в своей бездомности. Тревога кроется в основании собственного бытия, сущностного присутствия человека. Он лишается единства с бытием природно-сущего, тем самым, в качестве субстанциального субъекта, все окружающее, включая социальный контекст, он полагает внутренне лишенным своего значения. Разрушение общности природного существования вещей, общности социального существования вещей означает, что имеется только два атрибута бытия: 1) бытие собственной сущности человека, а сущность человека состоит в том, чтобы наделять значением все сущее, 2) природно-телесное бытие как протяженность (Декарт: субстанция - атрибуты: разум и протяженность - разум, «раскручивая» протяженность, наделяет ее своими собственными смыслами, значениями, то есть человек - существо осмысливающее, а все остальное лишено всякого, даже особенного, смысла). Гегель в «Науке логики» следует следующей логике: бытие - ничто - определенное бытие - количество - качество, то есть «из ничего» творятся все основные характеристики бытия, то есть имеет место быть только божественное бытие, разумное бытие, к которому причастен человек, а все сущее лишено смысла и значения и логически выводимо. Логика Гегеля оказывается онто-теологией: подобно средневековой теологии субстанциальный субъект, причастный божественному плану бытия, (творение мира Богом из ничего) строит онто-теологию.

Если это является проявлением человеческой сущности, то какова сама сущность человека? Несмотря на различные смысловые акценты в употреблении данного понятия, ключевым вектором в понимании его сути является способ человеческого бытия, то есть существования человека в качестве такового. Вот почему проблема идентичности как персональной, так и социальной, самоопределение человека в его собственной индивидуальности выступают в качестве основополагающих. Современная реальность возвращена антропоцентрической парадигмой в самой ее основе, сколь бы вариаций она не претерпевала ныне в лице телоцентризма, техноморфного хапоса, информационной цивилизации и т. д. Вот почему обращение к истокам ее формирования и фундаментальным аспектам открывает нам путь к самим себе, к понимаю собственной сущности.

Отметим в этой связи следующее. После эпохи Возрождения Западноевропейская культура стала культурой рациональной формы полезности, расчета, господства и подчинения, исполненной «бунта и послушания», обладания «социальной магии» (когда какой-нибудь проект предполагает разрешение всей проблемы). Социальная магия характерна для господствующе-властного отношения к миру, которое становится ключевым и определяющим в условиях современных реалий.

Каким образом осуществляется процесс индивидуации человека в существующем социальном контексте? Процесс индивидуации остается основной тайной формы социального существования. В ренессансной идее «гуманитас» человек утверждает себя в качестве политического, морального, гносеологического субъекта и т.д. Именно в эпоху Возрождения, в рамках формирования политико-экономической реальности, «клиническое» представление о мире, «медицинское» отношение к вещам не только к природным, но и социальным, становится определяющим. «Ренессанс называют истоком современной научно-технической цивилизации. С его наследием связывают и формирование философского, а также научно-технического рационализма XII в...» [8, с. 3]. Классический рационализм получает распространение в контексте формального правового сознания. Как отмечает Э.Ю. Соловьёв: «...в политической философии Локка само новоевропейское правосознание...предстало в качестве феномена, то бишь в качестве «явления, которое само себя раскрывает, толкует и эксплицирует рационально понятным способом» [9, с. 149]. Современные формы знания неотделимы от властного отношения к миру. Когда происходило формирование абсолютных монархий в Европе XVI - XVII вв., то поражал политический произвол монархической власти, поэтому революции в Англии, Франции сопровождались лозунгами ограничить произвол этих монархий. Юридическое правовое сознание апеллирует к идеальной норме, но оно реализует себя в конкретной системе социального наказания и принуждения. Как показывает М. Фуко в своем труде «Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы», функционирующий порядок юстиции объявляется планом подчинения, прежде всего, человеческого тела и представляет собой властное отношение к миру. «Исторический момент дисциплин - момент, когда рождается искусство владения человеческим телом, направленное не только на увеличение его ловкости и сноровки, не только на усиление его подчинения, но и на формирование отношения, которое в самом механизме делает тело тем более послушным, чем более полезным оно становится, и наоборот. Тогда формируется политика принуждений... Человеческое тело вступает в механизмы власти, которые тщательно обрабатывают его, разрушают его порядок и собирают заново. Рождается «политическая анатомия», являющаяся одновременно «механикой власти» [11, с. 201]. Существующая техника наказания зависит не от характера преступления, а

от потребности утверждать и сохранять определенный режим властных отношений, режим подчиняемости. Характер власти и подчинения скрывает в себе глубинные структуры политически облачаемого тела человека и индивидуума. Власть организует необходимое для себя тело, которое будет контролироваться, подчиняться и социализироваться. Власть стремится не столько познавать, сколько выслеживать скрытые глубины социального тела каждого индивидуума, чтобы эффективно воздействовать на это социальное тело. В принципе индивидуации скрыта вся структура социальности, то есть каким образом человек осуществляет себя в обществе, таким образом объясняется и структура социальности. Соотношение общего и индивидного определяет взаимодействие двух основных форм фиксации и выражения сущности еще у Аристотеля. Причем в трактовке «чтоности» и «этости» приоритет он отдает индивидуально сущему. Проблема сущности связана с проблемой идентификации, которая предполагает полноту, то есть общей и индивидной сущности вещи, без взаимодействия и взаимодополнения которых как воссоздающих определенную систему отношений, невозможно было бы существования общества.

«Идентификация – задача социума, в силу необходимости не просто различения членов общества, но и выделения, спецификации и фиксации личности как вменяемого субъекта» [10, с. 622]. В свою очередь, личность как вменяемый субъект является по сути дела олицетворением человеческого измерения бытия в его, собственно, эссенциальной природе.

Таким образом, сущность человека и есть собственно определенность человека в качестве такового в его возможности человеческого существования. Осмысление существования человека в контексте ключевых детерминант, определяющих этот процесс, открывает путь к постижению того, в чем же заключается его сущность. Понимание специфики конституирования человеческой сущности в современном мире оказывается весьма затруднительным вне осознания противоречивой и кризисной ситуации, в которой находится человек в современном обществе. Вот почему каждая попытка в этом направлении является несомненно продуктивной практикой ведения диалога в постановке и осмыслении этой проблемы в тех или иных ее аспектах.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бибихин В.В. Новый Ренессанс. - М.: МАИК «Наука», «Прогресс Традиция», 1998. - 496 с.
2. Губин В.Д. Жизнь как метафора бытия / В.Д. Губин; [Рос. гос. гуманитар. ун-т]. - М.: Изд. центр РГГУ, 2003. - 2008 с.
3. Губин В.Д., Некрасова Е.Н. Человек в трех измерениях. Изд. 2, испр. и доп. - 2018. - 336 с.
4. Кант И. Критика практического разума // Сочинения. В 8-ми т. Т. 4. - М.: ЧОРО, 1994. - С. 373–566.
5. Мамардашвили М.К. Возможный человек. - М.: РИПОЛ Классик: Панглосс, 2019. - 495 с.
6. Перов Ю.В. Историчность и историческая реальность. Серия «Мыслители», Выпуск 2. - СПб.: Издательство Санкт-Петербургского философского общества, 2000. - 144 с.
7. Перспективы метафизики: классическая и неклассическая метафизика на рубеже веков / Под ред. Г.Л. Тульчинского, М.С. Уварова. - СПб.: Алетейя, 2001. - 415 с.
8. Сергеев К.А. Ренессансные основания антропоцентризма / К.А. Сергеев; Санкт-Петербург. гос. ун-т. Изд-во Санкт-Петербург. ун-та, 1993. - 258 с.
9. Соловьев Э.Ю. Прошлое толкует нас: (Очерки по истории философии и культуры). - М.: Политиздат, 1991. - 432 с.
10. Тульчинский Г.Л. Философия поступка: самоопределение личности в современном обществе / Г.Л. Тульчинский. - СПб.: Алетейя, 2022. - 826 с.
11. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы / Пер. с фр. В. Наумова под ред. И. Борисовой. - М.: Ad Marginem, 1999. - 480 с.
12. Хайдеггер М. Вопрос о технике // Время и бытие: Статьи и выступления / М. Хайдеггер; сост., пер., вступ. ст., коммент, и указ. В. В. Бибихина. - М.: Респу-блика, 1993. - С. 221–238.
13. Heidegger M. Sein und Zeit. Gesamtausgabe. Bd. 2: Frankfurt am Main, 1977. - 583 p.

© Торубарова Татьяна Викторовна (ttorubarova@rambler.ru), Осипова Варвара Александровна (varvara_osipova02@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»